Глава 47. Цена обучения. Часть третья. (Гермиона)

Драко с Дафной старательно наблюдали за начинающейся стычкой над очередной узловой точкой ритуала. При этом никто из участников даже не догадывался, что уже принимает в данном ритуале участие, и что выплескиваемая ими в пространство Сила, напитанная боевой яростью и готовностью сражаться и убивать — улавливается огромными ритуальными фигурами, наполняя ловчие кристаллы.

Эпизод был, в сущности, рядовой. И наше внимание привлек только тем, что от Ордена Феникса в нем, кроме всего прочего, участвовала недавно переведенная из стажеров в полноценные сотрудники Нимфадора Тонкс. Именно поэтому на грани воплощения застыли духи Хаоса, достаточно могущественные, чтобы обеспечить Тонкс отступление в случае, если события повернутся в ненужную нам сторону, и достаточно тупые, чтобы поддаваться управлению.

Выбор как темной, так и светлой стороны был очевиден: проклятые оборотни — существа достаточно живучие даже вне полнолуния. И переполняющие их ярость и проклятье дадут большой выброс, который наполнит все туже стягивающиеся нити ритуала. А погибшие с именем предводителей на устах маги — только усилят жертвенный ритуал.

— И все-таки, — вздохнула я, — почему так много крови?

Признаться, я не рассчитывала на ответ, но он прозвучал.

— Потому что все участвующие в конфликте стороны склонны обеднять интерпретации реальности с целью оправдать силовое решение конфликта.

— И ты? — я удивленно посмотрела на Гарри.

— А чем я лучше других? — он криво ухмыльнулся и отвел взгляд. — Для меня в этом конфликте замешано нечто настолько ценное, что я не могу отказаться от соблазна разорвать эти сети одним ударом, и забрать себе приз.

Непроизвольно погадав о том, что же это такое «ценное», что принц демонов ксенос Морион не решается даже назвать это мне, я решила, что пока что это не относится к задачам первоочередной важности. А вот пример ритуальной магии и чуждых старой доброй Англии способов мышления — пожалуй, нужны мне прямо сейчас. Тонкс же наша парочка Дипломат/Видящая сумеют вытащить и сами… если, разумеется, ей вообще понадобится помощь.

* * *

Следом за Учителем я прошел в ритуальный зал. В отличие от прочих помещений поместья Учителя, Ритуальный зал, расположенный в самой его глубине так, чтобы захватчикам, либо враждебному потустороннему феномену пришлось прорываться через весь дом, отличался от прочих помещений широкими окнами. От взгляда в них мне стало как всегда нехорошо… Но тут, наверху*, хотя бы есть стены и есть окна, которые можно открыть, чтобы выйти наружу… а можно — и не открывать. А в Глубине острова переходят в варп очень плавно, и только, сделав очередной шаг, понимаешь, что тебя несет ветрами эфира, а вокруг ярится вечный шторм, и скалятся жадные до крови и душ нерожденные твари. И тут уже выживание становится вопросом личной силы, навыков и везения. Вот только тех, кто способны обрести силу и знания — стараются из Глубины изымать, либо забирая в ученики, либо отправляя напрямую на свидание с Хозяйкой Паутины. О везении же тех, кто имеет счастье родиться в Глубине — как-

то даже смешно и упоминать.

/*Прим. автора: надо уточнить, что для иллитири «верх» — это те места, где живут представители Домов, где надежны и крепки ограждающие от варпа заклятья. Соответственно, там, где границы пригодного для жизни условно стабильного пространства размываются, а живут отбросы общества — это «Глубина». С обыденными понятиями «верха» и «низа» их роднит разве что звучание обозначающих эти понятия слов, которые уже можно считать омонимами*/

Оставив в стороне воспоминания о детстве и отрочестве, я шагнул к центру зала. Многомерная вязь символов висела в воздухе, готовая для начала магического действа, и мне хотелось ее хорошенько рассмотреть, прежде чем я шагну в один из фокусов колдовской фигуры.

Мифические мон-кей из старых преданий нашего народа настолько ограничены, что из главных потоков Эфира они выделяют только девять, да еще и зачем-то то ли путают, то ли сознательном смешивают Каиш и Хиш, то для иллитири подобная ограниченность невозможно. Тысячи и тысячи потоков, несущих собственные цвета, не поддавались классификации, так как каждый из них был уникален и отличался от любых других настолько, что пытаться объединить их в какие-либо группы было бы напрасным трудом. Судя по легендам те же мон-кей почему-то считали голубой ближе к синему, чем к зеленому, объединяя их словом «Азир», тогда как для любого иллитири очевидно, что это — разные потоки, и работать с ними нужно совершенно по-разному… равно как и и с каждым из сотен и тысяч иных ветров магии. Однако, если признать, что мон-кей все-таки когда-либо и где бы то ни было существовали, то, судя по записям о тех временах (категорически неправдоподобных, по мнению многих магов), то они, лишаясь тонкости воздействия, обретали взамен немалую мощь.

Впрочем, все это — отвлеченные рассуждения, которыми я стараюсь убедить себя, что у меня есть хоть какой-то шанс выжить в предстоящем ритуале. Потому как шанса убежать у меня, такого, какой я сейчас — нет точно.

Пока остальные участники действа не вошли в зал, я старательно выполнял указания Учителя, наполняя Силой знаки на внешнем и внутреннем периметрах ритуального рисунка. Меня несколько напугал тот факт, что при определенном положении звезд часть этих знаков можно было бы прочитать как мое имя, причем не «внешнее» — для других, а «внутреннее», то, которое резонирует с сокровенной сутью моего сознания. Однако, поскольку ничего изменить я не мог — мне оставалось только делать то, что делаю, и стараться скрыть непроизвольные реакции тела, выдающие мой страх.

Увы, это у меня получилось не слишком хорошо. Судить об этом я могу по тому, что мое тело вдруг резко прекратило мне повиноваться. С ломаной грацией марионетки оно сделало два шага вперед, и застыло точной в одном из фокусов рисунка.

— Сообразительный парнишка, — пробормотал за спиной голос Учителя. — Что ж… Обещать могу только одно: сыном Дома тебя объявят до начала ритуала.

Все. Кранты. Такие подарки выдают только в случае, когда возможность ими воспользоваться — не предполагается. Но, с другой стороны, есть повод надуться от гордости. От «никто и звать никак» из трущоб Глубины — в сыновья одного из Великих Домов. Пусть даже этот путь закончится смертью… ну, да в конце концов в гости к Серой Госпоже ведут все пути. Но последний шаг станет воистину триумфальным! А то, что членом Дома я буду с самым низким из возможных статусов — младшего приемного сына, то и нерожденные твари с ним. Все равно воспользоваться этим я уже никак не смогу,

Пейзаж за окном сменился. Теперь вместо заметаемых ядовитым снегом равнин Ш’Энтеры, там расстилался Некрополь Эонты. Грозящие беспросветно-черным небесам серебряные шпили, между которых бродили механические мертвецы, заставили бы меня содрогнуться… если бы я был способен хотя бы на такие движения.

— Ага, — Учитель продолжал что-то делать у меня за спиной. — Она все-таки решилась. Ну что ж. Если кто-то хочет стать мученицей за Веру — кто я такой, чтобы ей мешать?

Подобное высказывание сложно было назвать иначе, чем «кощунственным», и любому другому грозило как минимум — длительным покаянием, по итогам которого бесполезный обрубок выкинули бы в варп-шторм на поживу обитающим там тварям. Однако Учитель неоднократно высказывался подобным образом даже в глаза жрицам… и те так ничего и не смогли сделать с одним из немногих мужчин, пользующихся расположением Хозяйки Паутины.

Двери, лицом к которым я стоял, раскрылись, и в них вошли Безликие: охранники Посвященных Жриц. Право и привилегия оплачивать содержание корпуса Безликих и отправлять в него своих сыновей принадлежит лишь немногим Домам… и Да Гаан Шинзен — входит в это число. Головы в сплошных масках повернулись из стороны в сторону, выискивая угрозу. Никто и никогда не видел этих безмолвных стражей без их масок. Непонятно, как они пьют и едят… но как-то ухитряются. Безликие были одеты и вооружены совершенно одинаково, и как они определяют старшинство — столь же непонятно, как непонятна тайна неснимаемых масок. Но как-то они ухитряются. Старший из стражей кивнул, и в считающееся условно безопасным помещением вошла младшая жрица Хозяйки Паутины. Она встала в расположенный напротив меня фокус узора, и гордо вскинула голову.

— Этот, что ли? — презрительно спросила жрица. — Что ж. Я признаю это… — она запнулась, но все-таки продолжила, — своим младшим братом.

Не возгремел гром, не засияли по углам страшные цвета расторжения… и я почувствовал, как на огромном узоре в центральном поместье Дома появился мельчайший завиток, отображающий мою жизнь.

— Братишка, — услышать это от Учителя когда-либо… что-то совсем уже нереальное сегодня творится. Пусть даже и сказано это было неслышным для других участников ритуала шепотом, — …ты это… постарайся выжить, что ли.

Вот теперь я порадовался тому, что сковывающее меня заклятье никто так и не снял. Иначе я бы тут же опозорился, рухнув прямо там, где стоял.

Между тем другие ученики моего теперь уже старшего брата замерли в дверях, услышав Объявление. Такой чести на моей памяти еще не удостоился никто. Но Учитель не стал дожидаться, пока они придут в себя. Знакомые (ох, какие знакомые) вспышки жалящих заклятий быстро привели учеников в чувства. Они заняли свои места в Узоре, и ритуал начался.

Жрица запела. Сила потекла в узор, а вечный шторм за окнами стал усиливаться: картинки знакомых и незнакомых пейзажей замелькали с такой частотой, что меня стало подташнивать.

— Периметр протекает в трех местах, — голос са’Лири раздался откуда-то справа. Я непроизвольно повернул туда голову, мимоходом удивившись, что могу двигаться. Однако идея о побеге, мелькнув в голове, быстренько оттуда испарилась. Силы вокруг бушевали такие, что сделать шаг за пределы безопасных мест в Узоре — значило добиваться участи, намного худшей, нежели смерть.

— Держать! — прошипел Учитель.

Голос жрицы продолжал выводить катрен. Линии Силы дрожали. Си’Наарен рухнул на колено. При этом его рука оказалась за пределами защитных линий… и немедленно посерела. А потом смертное серебро распространилось по всему телу, с потом си’Наарен обрушился вниз серебристым прахом, а его жизнь — влилась в ослабевший было внешний контур Узора.

Окно, отделяющее заклинательный зал от окружающего варп-шторма разлетеелось крупными осколками, и один из них попал точно в спину са’Лири. Девчонка вскрикнула от боли, рухнула плашмя — и немедленно последовала за си’Нааареном. Что-то сегодня сбываются все мои мечты… даже те, об осуществлении которых я и мечтать не смел.

Смерти двоих ведущих Внешнего кольца укрепили контур… зато внутренний цикл почти распался. И накопленная в Узоре мощь стала протекать уже не по линиям, а непосредственно через жрицу. Ее стало корежить. Одежда на ее груди лопнула, и истлела, руки превратились в хитиновые клинки, а голова превратилась в гротескное подобие птичьей. Но голос Искаженной не дрогнул. Она продолжала выводить катрен за катреном.

Через разбитое окно в ритуальный зал ворвался ветер. Он был зол, но при этом весел. Ветер закружился вокруг узора, выискивая в нем хоть малейшую слабину… И нашел ее. Кровь са’Лири капнула на линию узора, ослабив ее. И тварь извне шагнула внутрь. Жрица запнулась на очередном катрене. Откат рухнувшего Узора убил ее прежде, чем ее тело долетело до каменного пола. А из мелькания ветра и теней перед мной шагнул мальчишка. Совсем еще ребенок: лет сто-сто пятьдесят, не более. Серебряные волосы рассыпались по плечам, затянутым в черный шелк и серебряными же узорами. Болезненно-бледная кожа только что не светилась в сумраке ритуального зала. Взгляд серебристо-прозрачных глаз уперся в меня.

— Ну, скажем, привет!

http://tl.rulate.ru/book/69520/1850729